

Упоров Иван Владимирович

доктор исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права
Краснодарского университета МВД России

**РЕВОЛЮЦИОННЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ
ПРОЕКТЫ ЖИЛИЩА
ДЛЯ ПРОЛЕТАРИАТА В СОВЕТСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ 1918–1920 ГГ.**

Аннотация:

В статье изложена социально-правовая характеристика архитектурных проектов жилищ для рабочих и их семей в новой советской республике после победы большевиков в 1917 г. Указывается, что Октябрьская революция способствовала созданию действительно революционных проектов, в частности проектировались грандиозные города-сады комплексного характера, где предусматривались несколько зон: зеленая зона отдыха, зона приготовления и приема пищи, учебная и игровая зоны для детей (общие для всех квартир), спальни, кабинеты (отдельно для каждой семьи) и др. По современным представлениям проекты представляли собой крупные усадьбы в городской местности кооперативного типа. Поселения «особого социалистического типа», состоящие из городов-садов, в социально-организационном аспекте должны были основываться на принципах трудодытовых коммун. Однако эти положения оказались несовместимыми с желанием пайщиков жилищной кооперации иметь такие жилища в личной собственности. В результате революционные проекты так и не стали явью.

Ключевые слова:

город-сад, архитектор, трудовая коммуна, советская власть, кооператив, жители, финансы, исполком.

Uporov Ivan Vladimirovich

D.Phil. in History, PhD in Law,
Professor, Constitutional
and Administrative Law Department,
Krasnodar University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia

**REVOLUTIONARY ARCHITECTURAL
HOUSING PROJECTS
FOR THE PROLETARIAT
IN THE SOVIET STATE OF 1918–1920**

Summary:

The article presents socio-legal description of architectural housing projects for workers and their families in the new Soviet republic after the victory of the Bolsheviks in 1917. It is stated that the October Revolution contributed to the creation of truly revolutionary projects, in particular, there were designs of the grandiose garden cities of complex nature with several zones: green recreation area, cooking and dining areas, learning and play areas for children (common to all apartments), bedrooms and study rooms (separately for each family), etc. According to modern concepts such projects were a large cooperative estate in the city. The settlements of the "special socialistic type", consisting of garden cities, were supposed to be based on the principles of labor and living communities in the social and organizational aspect. However, these principles were incompatible with the desire of shareholders of housing cooperatives to have such houses in private ownership. As a result, the revolutionary architectural designs have never materialised.

Keywords:

garden city, architect, labour commune, Soviet government, cooperatives, residents, finances, executive committee.

На волне созидания всего нового, «пролетарского», «всемирного» в большевистской России начального периода велись работы по проектированию весьма оригинального жилья для трудящихся. Предпринимались попытки обогатить жилищную политику не только изменением в распределении экспроприированного у буржуазии жилищного фонда, но и созданием еще невиданного жилища – города-сада. Так, задачей сформированной весной 1918 г., фактически первой государственной проектной организации – Архитектурно-художественной мастерской Строительного отдела Московского Совета, которую возглавили И.В. Жолтовский и А.В. Щусев, провозглашено «распределение территории г. Москвы на фабричные районы, сады-города, торговые центры и пр.». Принципы города-сада воплощались в проектах пригородов-садов и поселков-садов для рабочих под Москвой, рассматриваемых как «частичное решение вопросов разгрузки г. Москвы» [1]. Поражает, конечно, самоуверенность советской власти в целом и московской в частности в отношении реальности проекта города-сада: не будем забывать, что в те месяцы советская Россия отнюдь не испытывала экономического подъема, более того, в результате постреволюционных событий уровень жизни большинства населения резко снизился.

Видимо, опьяненные революционными размахами и перспективными масштабами руководители архитектуры и строительства в планах все более отрывались от земли, причем не только в Москве, но и в других регионах. Так, весьма оригинальным был проект поселка-сада на юге Самарской губернии (в Нижне-Бузулукском уезде), который должен был соединить в себе фермы, огородно-садовый пояс, сельскохозяйственное производство, способное прокормить население города в 3 000 человек, постоянные промышленные предприятия, в частности боль-

шой кожевенно-обувной завод. Коллегия Отдела градоустройства, рассматривавшая данный вопрос, отмечала, что «организация таких городов промышленно-кооперативного типа является в высшей степени желательной» – подобное «соединение большой промышленности, сельского хозяйства и города-сада на кооперативных началах представляет значительный интерес».

Интересна была также схема финансирования: из ссуды и других средств, собранных при организации, составляется капитал для учреждения производственных предприятий и первых зданий города, а затем из доходов от предприятий частично погашается долг, частично расширяется застройка по мере прилива населения [2]. Одной из причин того, что именно принципы города-сада были выбраны в качестве концептуально-теоретической базы проектирования, стали не только популярность этой идеи, постоянно пропагандируемой через периодическую печать, но и в значительной степени предпочтения самих архитекторов, которые обосновывали необходимость проектирования поселков именно по образцу городов-садов. Так, рабочие – инициаторы проекта поселка «Звезда» (при Саратовском заводе сельскохозяйственных машин и орудий) под влиянием революционных идей ратовали за категорический отказ от индивидуальных участков, выступая против домашнего животноводства и личных огородов. Однако один из авторов проекта В.Н. Семенов объяснял, что усадебная застройка является типичной для поселка-сада и совершенно нормальной для поселений подобного рода [3].

При этом активную роль в проектировании и возведении поселений-садов играли органы жилищной кооперации. Например, руководствуясь этими принципами, жилищно-строительное кооперативное товарищество (ЖСКТ), образованное в декабре 1921 г. сотрудниками Центросоюза и других кооперативных центров, в начале 1923 г. проектировало кооперативный поселок-сад под названием «Сокол». В июле 1923 г. ЖСКТ арендовало у МУНИ на 35 лет 49 десятин земли у села Всехсвятского (неподалеку от станции Серебряный Бор Окружной железной дороги) и приступило к работам. Генплан предусматривал разбивку 250 индивидуальных участков в среднем по 200 кв. саженей [4, с. 62].

У власти, нужно признать, хватило энергии не только для проектирования поселков-садов, но и для начала реализации некоторых из них. При этом, конечно, движущей силой были действия потенциальных жителей (как правило, членов жилищных кооперативов) таких чудо-городков, веривших в реальность проектов, несмотря на сложное общественно-политическое, экономическое, военное положение, и делавших все, чтобы заполучить столь желанное сказочное жильё. Несложно предположить, что добиться последнего мог весьма ограниченный круг лиц. Не тогда ли стал формироваться класс будущих (то есть нынешних) собственников особняков на Рублевке? Однако тогда попытки воплощения планов стали наталкиваться на разного рода препятствия.

В частности, технология строительства в силу низкой квалификации привлекаемых специалистов часто нарушалась, что снижало качество работ. Так, здания поселка-сада «Сокол», в котором возведение первых 12 домов началось в августе 1923 г., к июню 1927 г. успели частично сгнить. Обследование, проведенное 04.08.1927 г. лабораторией лесной фитопатологии и микологии Центральной лесной опытной станции НКЗема, показало, что деревянные каркасно-засыпные конструкции и обшивка 12 зданий поражены и почти полностью разрушены грибом [5, с. 51].

С середины 1922 г. жилищная кооперация, усилиями которой продвигались проекты, получила в качестве оппонентов некоторые государственные органы. На учредительном заседании по возрождению в России общества городов-садов (30 июня) под председательством заместителя народного комиссара здравоохранения Соловьева организаторы общества в ответ на реплику о том, что «революционный пролетариат, творящий новую коммунистическую культуру, должен реализовать великие идеи рационального градоустройства в пользу устройства городов-садов», неожиданно услышали резкую критику со стороны прежде всего ГУКХ НКВД, а также коммунальных отделов исполкомов.

При этом речь шла о несогласии не с самой идеей, а с ее наполнением. Так, критиковалось устройство городов-садов по типу английских аналогов, поскольку это воспроизводило «буржуазный индивидуализм», планировочно воплощенный в «формуле» «одна семья – индивидуальное жилище» (коттедж или отдельная квартира). Это оказывалось несовместимым с советскими установками, ибо «индивидуализм является наследием старого общества». Сторонники индивидуального жилища указывали: не следует опасаться того, что английские особняки с мелким индивидуальным хозяйством будут отрицательно влиять на психологию рабочих, так как «рабочие организуются на фабриках и заводах. Там выковывается их революционное сознание. Дома, где они только живут и отдыхают, не оказывают на это никакого влияния». Однако данный довод не был принят, поскольку противоречил идее коллективизма, реализующейся в форме трудодытовых коллективов («вместе работают – вместе живут»), «в город-сад не проникает идея коммунизма. Рабочий, попавший в такой рай, становится туг на ухо к революционной пропаганде» [6, с. 194–199].

Не менее критически был поставлен вопрос в финансовом и политическом планах: «...Если общество рассчитывает на правительственные субсидии, то их использование – это дело главного

государственного субъекта хозяйственного ведения и распоряжения жилищем и главного организатора возведения новых населенных мест, то есть ГУКХ НКВД, и не следует дублировать функции и расплывать средства на содержание сомнительных общественных организаций. А если Российское общество городов-садов – скрытая альтернатива функциям коммунотделов, то это тем более недопустимо, причем не только с организационной, но уже и с политической стороны» [7, с. 200].

Такая позиция госорганов была вполне объяснимой, поскольку официальную градостроительную политику власть основывала на ведомственном строительстве, осуществляемом администрацией предприятий и учреждений, при этом жилище должно было безусловно становиться собственностью государства. Строительство жилья кооперациями и даже «индивидуальщиками» не воспрещалось, но результаты их деятельности (дома, квартиры) в любом случае должны были попадать под управление государственных органов, поскольку в соответствии с новой коммунистической идеологией отрицалась сама возможность права гражданина на собственность в виде отдельного жилья.

Между тем к середине 1920-х гг. в ряде городов были построены те самые поселки-сады, чему в определенной степени способствовало постановление ЦИК и СНК СССР «О жилищной кооперации» [8]. Оно представляло собой очередную попытку власти ослабить жилищный кризис за счет финансовых средств и трудовых усилий самого населения, но при условии сохранения за собой права владения жилищем и полного контроля над его распределением.

В этот период уже складываются концептуальные представления официальной власти о том, какими должны быть поселения «особого социалистического типа». В социально-организационном аспекте они должны были основываться на принципах трудобывтовых коммун. В территориальном – на дифференциации частей поселений: производственной, где локализуются промышленные объекты, и селитебной, где проживают производственно-бытовые коллективы. В управленческом плане предусматривалось членение селитебной территории города на управляемые административно-территориальные единицы, составными элементами которых выступали производственно-бытовые коллективы. В градостроительном плане речь шла об объединении коммунального жилища в единое планировочное целое в виде жилых комплексов-коммун или кварталов-коммун [9, с. 46–48].

Однако в реальности поселения, возводимые жилищной кооперацией в рамках проектов городов (поселков)-садов, мало подходили под эту концепцию, поскольку сооружаемые жилые дома имели характер частной собственности, их заселение приводило к личному владению и распоряжению жилищем и персональному использованию прилегающего к дому земельного участка. В рамках единой планировочной структуры населенного места власть не могла допустить никакой социально-культурной и территориально-управленческой автономизации, присутствующей кооперативным поселкам-садам с индивидуальным жилищем. В итоге жилые кварталы городов при застройке стали представлять собой не города-сады, а привычные российским жителям каменные многоэтажные короба с длинными коридорами, общими кухнями и туалетами. Сказка про города-сады закончилась. Начались будни обеспечения увеличивающегося городского населения (рабочей силы индустриализации) минимально комфортным жилищем.

Ссылки:

1. Меерович М.Г. Рождение и смерть советского города-сада. М., 2007. С. 17. См. также: Близнакова М. Советское жилищное строительство в годы эксперимента: 1918–1933 гг. // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история : монографический сборник. М., 2001. С. 53–89.
2. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 119. Л. 4.
3. Там же. Д. 124. Л. 5.
4. Меерович М.Г. Рождение и смерть жилищной кооперации. Жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). Иркутск, 2004. С. 62.
5. Череди́на И.С. Московское жилье конца XIX – середины XX в. М., 2004. С. 51.
6. Меерович М.Г. Рождение и смерть жилищной кооперации ... С. 194–199.
7. Там же. С. 200.
8. О жилищной кооперации : постановление ЦИК и СНК СССР от 19 авг. 1924 г. // СЗ СССР. 1924. № 5. Ст. 60.
9. Меерович М.Г. Рождение и смерть жилищной кооперации ... С. 46–48.

References:

- Meerovitch, MG 2007, *The birth and death of the Soviet garden city*, Moscow, p. 17, (in Russian).
Bliznakova, M 2001, 'Soviet housing construction during the experiment: 1918-1933', *Housing in Russia: XX Century. The architecture and social history: monographic collection*, Moscow, pp. 53-89, (in Russian).
Meerovitch, MG 2004, *The birth and death of the housing co-operatives. Housing policy in the USSR. 1924-1937 (Socio-cultural and socio-organizational aspects)*, Irkutsk, p. 62, (in Russian).
Cheredina, IS 2004, *Moscow housing end of the XIX century – the middle of the XX century*, Moscow, p. 51, (in Russian).